

Было бы однако неправильно считать, что философія исторіи совершенно вытѣсняетъ въ книгѣ Карсавина теорію историческаго знанія. Отмѣтимъ тонкое и оригинальное ученіе объ историческомъ источникѣ (хотя и здѣсь односторонне недооцнвается моментъ умозаключенія въ пользу «непосредственно видящей прошлое» интуиціи), правильныя замѣчанія о реальности коллективной личности (въ частности проводимое различіе между словомъ и классомъ), о «философской публицистикѣ» и связи исторіи съ позитивкой. Интересны и соображенія его о пантеистическомъ и персоналистическомъ моментахъ въ христіанствѣ, а также замѣчанія его о Германіи (313 ст.), рѣзко отмежевывающія автора отъ столь распространенной нынѣ въ кругахъ русской «религіозной философіи» привычки трактовать Европу какъ нерасчлененное и обреченное гибели цѣлое. Повторяемъ, читатель, который преодолѣетъ трудную причудливость стиля автора, прочтеть эту умную книгу съ интересомъ и не безъ удовольствія. Онъ проститъ ему и встрѣчающіяся въ ней (часто не сверхъ- а подь-діалектическія) противорѣчія и нерѣдко туманную неопредѣленность выраженія.

Sergius.

Arthur Pentz. «On the way to a christian sociology».

Эта новая книга родоначальника англійскаго гильдейскаго социализма, одновременно вышедшая и на нѣмецкомъ языкѣ (въ переводѣ Eccius'a, P. Siebeck, «Schriften der englischen Gildenbewegung», № 5), во многихъ отношеніяхъ представляется примѣчательной. Архитекторъ по профессіи, любитель и пропагандистъ «прикладнаго искусства», менѣе всего профессиональный писатель, Пентз, неожиданно для самого себя, сдѣлался инициаторомъ живого литературнаго движенія, оказавшаго большое вліяніе на современную англійскую социально-политическую мысль. Не будучи однако совершенно «лидеромъ» по натурѣ, скорѣе тяготясь тѣмъ бременемъ осторожной осмотрительности, которое связано со всякимъ лидерствомъ, — будь то руководство даже литературнымъ теченіемъ, Пентз скоро вышелъ изъ рамокъ гильдейскаго социализма въ узкомъ смыслѣ этого слова. Его послѣдняя книжка, которая, по его собственнымъ словамъ, есть «лучшее, что онъ написалъ», не представляетъ поэтому никакого «теченія» или «группы». Она есть плодъ одинокой работы мысли, но именно потому, быть можетъ, въ ней чувствуется глубина, насыщенность, связанная со скупостью и словеснаго выраженія и рациональной доказательности. Въ ней есть интуиція и факты, но очень мало разсудочной обработки «посредственно даннаго». И все же книга Пентз очень характерна какъ для гильдейскаго движенія, въ которыхъ тенденціи котораго она заостряетъ до крайности, такъ и для современнаго поствѣнія

английской интеллигенции вообще. Въ гильдейскомъ движеніи Пенти занимаетъ крайній флангъ «медіевизма». Онъ стоитъ за безусловный «возвратъ къ среднимъ вѣкамъ»; къ тредъ-юнионизму, на который пытается опереть гильдейское движеніе Коля, онъ относится безразлично, а къ попыткѣ Коля скорѣе даже враждебно; болѣе, чѣмъ кто-либо, настаиваетъ она на необходимости духовнаго перерожденія человѣчества, на значеніи религіи; и, отклоняя окончательно даже самый терминъ «соціализма», онъ свою точку зрѣнія предпочитаетъ называть точкой зрѣнія «христіанской социологіи». Въѣшнее по многому онъ сходится съ Бердяевымъ и прочими представителями нашего воинствующаго мистицизма. Подобно ему онъ отрицаетъ идею прогресса, связывая съ послѣдней социализмъ, требуетъ подчиненія хозяйства высшимъ духовнымъ цѣнностямъ, отвергаетъ Ренессансъ и римское право, разлагающему вліянію котораго приписываетъ крушеніе среднихъ вѣковъ, требуетъ ограниченія науки, не жалѣетъ гибели «цивилизаций» и привѣтствуетъ наступленіе новой «ночной эпохи». Казалось бы, онъ задался специальной цѣлью смѣшать Востокъ и Западъ и показать, что даже крайнему Западу далеко не чужды тѣ мотивы мысли, которые нынче упорно выдаются за исконно русскія и исконно православныя, тѣмъ болѣе, что для Пенти коммунизмъ, будучи характернымъ русскимъ явленіемъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ также и послѣднее слово отвергаемаго имъ «индустриализма» и «модернизма».

И все же вѣроятно потому, что Бердяевъ идетъ отъ «крушенія нумировъ», которымъ онъ когда-то поклонялся, и насквозъ теоретиченъ, нарочито упрощающъ, Пенти же идетъ отъ интуицій и фактовъ, которые онъ хочетъ уяснить все болѣе усложняющейся у него мыслью, разница между ними разительная. И не только въѣшняя: Пенти менѣе всего эгоцентриченъ; его интересуютъ всегда самый предметъ, которымъ онъ занятъ, а не собственная правда, рѣшеніе неотвязно охватившей его проблемы, а не уничтоженіе инакомыслящихъ и инаковѣрующихъ. Потому у него открыты глаза на чужіе мотивы мысли, на чужую правду, и свою собственную точку зрѣнія онъ стремится всегда представить не какъ опровергающую чужія, а какъ ихъ усовершенствующую. Этимъ опредѣляется его отношеніе къ христіанству и социализму. Христіанство есть для него прежде всего религія воскресенія. Поэтому оно освящаетъ земную жизнь, а не отворачивается отъ нея. Общественный порядокъ и хозяйственный строй, нынѣ рѣзко противорѣчащіе духу христіанства, должны быть приведены въ согласіе съ «нормальнымъ» строемъ, вытекающимъ изъ существа послѣдняго. Церковь не должна, освящая современный порядокъ вещей, смотрѣть на себя только какъ на убѣжище *отъ* міра, но должна стать орудіемъ царства Божія, которое не есть нѣчто только потустороннее, но есть полнота и усовершенненіе земной жизни. Требуя господства духовныхъ цѣнностей надъ цѣнностями матеріальными и ставя во главу угла ученіе о духѣ

и о душѣ, христіанство должно также развить *свое* ученіе объ обществѣ и о «нормальномъ» хозяйственномъ строѣ.

Соціализмъ, развивающій такое ученіе, не правъ постольку, поскольку онъ ограничивается хозяйственной стороной вопроса и даже, въ нѣкоторыхъ своихъ теченіяхъ, опирается на материалистическую философію. Но безусловная правда его въ той проблемѣ, которую онъ задаетъ нравственному сознанію современнаго человѣка и которую онъ воплощаетъ самымъ фактомъ своего существованія. Проблема эта заключается въ томъ, что въ современномъ общественномъ строѣ («индустриализмъ», котораго только явленіемъ и симитомомъ является «капитализмъ») личность рабочаго подавлена и уничтожена; средства развитія производства превращаются нынѣ въ средства господства и эксплоатации производителя: онѣ калѣчатъ рабочаго, превращая его въ человѣческой осколокъ; принижаютъ его до степени простаго придатка къ машинѣ; разрушаютъ послѣдніе остатки притягательности его труда и превращаютъ трудъ въ ненавистную муку; они отчуждаютъ его отъ духовнаго содержанія процессовъ труда въ той самой степени, въ какой наука воплощается въ нихъ какъ независимая сила; они искажаютъ условія, при которыхъ онъ работаетъ, и подчиняютъ его въ теченіе процесса работы деспотизму, который тѣмъ болѣе ненавистенъ, что онъ основанъ на подлости и низости; они превращаютъ время его жизни въ рабочее время и бросаютъ его жену и его дѣтей подъ размалывающія колеса всесильнаго капитала» (слова Маркса, цит. Пенти). Соціализмъ есть нравственное возмущеніе противъ подобнаго общественнаго строя. Онъ правъ, поскольку этому строю противопоставляетъ идею освобожденія личности, справедливости, права, задача котораго опредѣляется Пенти въ терминахъ, очень близкихъ къ Влад. Соловьеву («дабы обезпечить добрымъ людямъ возможность жить среди злыхъ», а не «обезпечить возможность богатымъ людямъ жить среди бѣдныхъ» — слова одного средневѣковаго кодекса). Но онъ заблуждается, поскольку мыслить новый общественный строй, какъ продолженіе и углубленіе индустриализма (срв. увлеченіе большевиковъ «научной организаціей труда»), и сосредоточиваетъ свое вниманіе исключительно на проблемѣ собственности. «Обобществленіе» въ обычномъ смыслѣ этого слова, сохраняя всѣ особенности индустриализма и только мѣняя механически собственника, не въ состояніи разрѣшить проблемы. Собственность должна быть не «обобществлена», а «объективирована», т. е. стать снова, какъ это было въ средніе вѣка, «функцией» общественнаго блага и тѣмъ самымъ вновь приобрести личный характеръ, стать поприщемъ и выявленіемъ владѣющей ею личности. «Нормальный» характеръ средневѣковаго общественнаго строя заключается именно въ этой его объективности, въ господствѣ въ немъ идеи функціи, въ соответствіи правамъ обязанностей, въ гармоніи между личностью и обществомъ. Это было ограниченнѣйшее идейное благо индивидуа-

лиамъ, или, что то же, универсализмъ, носителемъ своимъ имѣвшій человѣческую личность.

Основной порокъ «индустриализма» заключается въ томъ, что въ немъ хозяйство стало гегемономъ, вышло изъ нормально подобающаго ему служебнаго и подчиненнаго положенія въ культурѣ. Производство въ немъ стало автономнымъ — «ради производства», а не ради удовлетворенія потребностей. Отсюда помѣщеніе излишковъ производства въ новое производство, дурная безконечность «дѣланія денегъ ради денегъ», тогда какъ въ средніе вѣка излишки помѣщались въ общественныя сооруженія, служившія красотѣ и воплощенія въ себѣ духовный идеалъ общества. Отсюда также отдѣленіе личности отъ собственности, вырожденіе труда въ механическую работу, господство не производителей, а финансистовъ и посредниковъ, борьба за рынки сбыта ставшаго самодовлѣющимъ производствомъ.

Соотвѣтственно этому и рѣшеніе проблемы должно заключаться, по мнѣнію Пенти, въ постепенно усиливающемся регулированіи производства въ направленіи подчиненія его потребностямъ общественнаго цѣлаго. Надо вернуться къ уставной цѣли, что вернуть деньгамъ ихъ естественную функцію въ хозяйствѣ — служить мѣриломъ цѣнности. Надо возродить гильдіи, задача которыхъ заключается въ регулированіи производства, установленіи справедливыхъ цѣнъ на продукты, количества и качества выработки, условій труда, пользованія машинами (которыя такъ же опасны какъ огнестрѣльное оружіе), поддержаніи пресметственности, передачѣ накопленныхъ навыковъ новымъ поколѣніямъ. Не возражая безусловно противъ производительныхъ гильдій, Пенти (и въ этомъ его главное отличие отъ другихъ представителей гильдейскаго движенія) усматриваетъ главную задачу гильдій въ регулированіи производства и хозяйства вообще. При этомъ гильдіи должны обнимать все производство страны въ цѣломъ, включать въ себя *всю* участниковъ производственнаго процесса, получить также признаніе въ политической организациі государства. Онѣ должны быть также распространены и на земледѣліе (чего не было въ средніе вѣка), которое должно быть возрождено (II. высказывается за своего рода «пенную» собственность на землю), — куда преимущественно долженъ быть направленъ потокъ безработныхъ.

Хотя всѣ свои конкретныя предложенія II. подтверждаетъ ссылками на свѣжіе и интересные факты современной хозяйственной жизни и не закрываетъ глазъ на трудности, стоящія передъ его замысломъ превращенія перенаселенной Англіи въ своеобразное самодостаточное хозяйственно государство (срв. geschlossener Handelsstaat Фихте), у читателя все же остается впечатлѣніе существенной для всего построенія Пенти утопичности. Разумѣется, утопичность Пенти заключается не въ его идеализмѣ и не въ его требованіи гегемоніи духовныхъ цѣнностей надъ матеріальными. Даже то значеніе, которое онъ придаетъ уставной

цѣнѣ, далеко не такъ утопично, какъ это кажется на первый взглядъ. Утопичность его заключается въ его безусловномъ «медіевизмѣ», въ безоговорочномъ отрицаніи имъ настоящаго и того недавняго прошлаго, которое къ нему привело. Одинокій по своей натурѣ мыслитель, онъ и свою теорію слишкомъ уединяетъ: она ни въ какомъ отношеніи не вырастаетъ у него изъ настоящаго, не является его хотя бы отрицающимъ завершеніемъ. У самого П. чувствуется здѣсь какое то внутреннее противорѣчіе: цѣнитель преданія, органичности, чужой правды, П. отвергаетъ всю исторію, начиная отъ Ренессанса до настоящаго времени, не видитъ въ ней ничего положительнаго, что должно бы было быть сохранено и увѣковѣчено въ будущемъ «нормальномъ» строѣ. И все же значеніе книги П. не подлежитъ сомнѣнію: что центръ тяжести проблемы современнаго общественнаго строя заключается не столько въ замѣнѣ индивидуальнаго собственника коллективнымъ, сколько въ регулированіи всякой собственности въ направленіи ея *объективированія*, что орудіемъ этого регулированія являются гильдіи производителей; что регулированіе это должно протекать въ правовыхъ формахъ; что цѣль его не освобожденіе отъ труда, а освобожденіе *труда*, наполненіе его вновь духовнымъ содержаніемъ; что разрѣшеніе этихъ задачъ предполагаетъ перераспредѣленіе собственности, становящейся одновременно и болѣе соціальной («функцией») и болѣе индивидуальной (связанной съ влаждующей ею личностью), — подчеркнуть всѣ эти истины, во все большей степени проникающія и въ теорію современнаго социализма, и выразить ихъ въ своеобразной и яркой формѣ составляетъ безспорную заслугу новаго труда Пенти.

Sergius.

В. П. Семенниковъ. *Радищевъ. Очерки и изслѣдованія Госуд. Издательство. Москва-Петроградъ. Стр. 467.*

Книга, выпущенная В. П. Семенниковымъ, содержитъ собраніе его этюдовъ по ряду вопросовъ, относящихся къ біографіи Радищева, къ изученію міровоззрѣнія Радищева и къ освѣщенію той роли, которую сыграла литературная дѣятельность Радищева въ ходѣ нашего литературнаго и общественнаго развитія. Не касаясь общезвѣстныхъ моментовъ жизни и литературной дѣятельности Радищева, Семенниковъ направляетъ свои изслѣдованія на вопросы, еще мало изученные, предпринимаетъ настойчивые поиски новыхъ матеріаловъ и старается бросить новый свѣтъ на такія стороны въ дѣятельности Радищева, которыя доселѣ оставались въ тѣни. Пишетъ г. Семенниковъ довольно тяжело и тягуче, порою утомляя читателя пространнымъ разъясненіемъ довольно простыхъ мыслей, повтореніями однихъ и тѣхъ же соображеній, перегруженіемъ изложенія слишкомъ мелкими подробностями. Неприятно дѣйствуютъ также нѣкоторыя